

М.А. ЧУБУКОВА

«САРКОФАГ ГОСТИНИЦЫ “РОССИЯ”»:

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАНАМИ ПРОСТРАНСТВА «ЗАРЯДЬЯ»

Urban Studies and Practices Vol.2 #4, 2017, 78-84

<https://doi.org/10.17323/usp24201778-84>

Чубукова Маргарита Андреевна, магистр градостроительства (ВШУ имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ), магистр антропологии (ЕУСПб), независимый исследователь; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

E-mail: mchubukova@gmail.com

В эссе, посвященном парку «Зарядье», который был открыт осенью 2017 г., зафиксирован ряд наблюдений, сделанных в ходе работы одной из исследовательских групп, участвовавших в антропологическом семинаре Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ «Московские метаморфозы?». Просуммированные высказывания экспертов и неискушенных горожан о новом столичном общественном пространстве позволяют сделать предварительные выводы о типологии и накапливаемой символической ценности «главного парка страны».

Ключевые слова: парк «Зарядье»; программирование пространства; восприятие пространства; городская антропология

Осенью 2017 г. завершилась реализация значимого для Москвы урбанистического проекта: в День города открылся парк «Зарядье», задуманный еще в начале 2010-х. Новое общественное пространство, созданное «с нуля» в самом центре столицы и выполненное «по мировым стандартам», сегодня претендует на роль национального символа.

Теперь, когда строительные работы в основном позади (на момент написания этого текста в первой половине 2018 г. все еще не открыто здание Московской филармонии), жизнь нового «Зарядья» только начинается. Вольно или невольно инициаторы проекта, его идейные вдохновители, спонсоры, сотрудники местной дирекции и посетители продолжают задавать *вопрос о типологической принадлежности созданного пространства*, пытаются объяснить себе его *место в городской топографии и ценность для города*.

На вышеперечисленных неоднозначных моментах, связанных с определением статуса пространства и его восприятием горожанами, в каждом из разделов своего эссе так или иначе стараюсь сконцентрироваться и я. Вынесенная в заголовок яркая цитата об образе и назначении паркового пространства — «саркофаг гостиницы “Россия”» — раскрывает лишь одну из его многочисленных ипостасей. Подробнее я прокомментирую ее позже, дополнив ряд и другими примерами функционального и смыслового назначения пространства «Зарядья».

В этом тексте я опираюсь на наблюдения, сделанные во время работы антропологического семинара «Московские метаморфозы?»¹, проходившего в Высшей школе урбанистики НИУ ВШЭ в 2017/2018 учебном году. Используемые источники — экспертные и персональные высказывания, озвученные в средствах массовой коммуникации и во время «зарядьелогических» круглых столов, а также интервью и опросы, проведенные в самом парке в период с ноября 2017 по апрель 2018 г. Надо отметить, что эта работа представляет собой не исчерпывающее описание социального и физического пространства «Зарядья», но намечает возможные исследовательские траектории и призвана способствовать постановке более узких проблемных вопросов.

¹ Для удобства описания самого рекреационного пространства разговор об исследовании «Зарядья» социальный антрополог Михал Муравски, куратор семинара, предлагает вынести в отдельную «микродисциплину» — Зарядьелогию [Муравски, 2018]. Это эссе продолжает серию тематических аналитических публикаций, инициированную М.Муравски.

«Зарядье» — «парк», а не исторический район

Зарядье как локус уже было неоднократно описано и проанализировано представителями из разных областей: историками и археологами (к примеру, последние популярные, а не узкоспециальные публикации можно найти в тематическом номере журнала, издаваемого Департаментом культурного наследия города Москвы [*Московское наследие*, 2017]), краеведами и картографами (см. дипломный проект выпускника МИИГАиКа 2011 г., картографа Александра Иванова, создавшего 3d-модель «исчезнувшего» Зарядья [*Ivanov 2011*]), социальными исследователями (например, [*Куприянов, Садовникова, 2009*]). Авторы из перечисленных сфер, изучая Зарядье, всегда хотя бы отчасти занимались ретроспективным анализом, это связано с тем, что вплоть до недавнего времени за топонимом скрывалось только название существовавшего здесь района. Сегодня все большее число горожан и гостей Москвы, произнося слово «Зарядье», подразумевают именно парк, а не исторический район. Высокая популярность нового столичного рекреационного пространства «перекрывает» исконное значение и, как можно судить, начинает доминировать в массовом восприятии. Одна из информанток поделилась своим наблюдением:

Я, кстати, поняла, что многие вообще не знают, что это за слово — «Зарядье». Один человек, который за границей живет... Она говорит: «А хуже слова нельзя было для названия парка выбрать? Что оно такое агрессивное? З-Р-Д... Просто кошмар». Я поняла, что люди, которые вне контекста, которые не понимают, что в Москве был такой район, историческое место... Для них это просто катастрофа.

— Женщина, 32 года

Знакомство с современным «Зарядьем» может провоцировать вопросы в том числе и этимологического свойства, что возвращает месту первоначальный смысл («с XVI века находилось за рядами <торговых> лавок, тянувшихся по нынешней Москворецкой улице от улицы Варварки до Москворецкого моста» — цит. по [*Сытин, 2008*]). История района остается за рамками этого текста, в то время как в центре внимания оказывается современность, то есть жизнь самого парка.

Парк ли «Зарядье»?

Строго говоря, словосочетание *парк «Зарядье»* уже вошло в широкое употребление, но при должной степени остранения правомерность подобной типологизации пространства может вызывать вопросы. Эксперты из профессиональных областей, связанных с градостроительством и культурологией, полемизируют на эту тему.

Архитектор и урбанист Андрей Иванов замечает, что «Зарядье» — «это вовсе не “парк культуры”, но маркировка привычным словом связывает, по словам Елены Трубиной, «незнакомый опыт со знакомым» и придает этому новому знаковому объекту один из важнейших атрибутов места — поименованность, встроенность в городской язык» (цит. по [*Иванов, 2017*]). Из этого высказывания следует, что парком «Зарядье» должно было стать не по своему образу, а по функциональному подобию. К сожалению, дальше автор не развивает свой тезис, но можно предположить, что улавливаемое несоответствие «Зарядья» «парку культуры» видится в расхождении организации режимов функционирования пространств. «Зарядье» — не классический постсоциалистический московский парк, а, по определению Г. Ревзина, — «современный парк», основа которого — «игра с оппозициями искусственное — естественное и реальное — виртуальное, и на этом там все выстроено» (цит. по [*Ревзин, 2017*]).

То, что было «игрой» в широком смысле слова для самих многочисленных авторов и реализаторов² проекта на уровне программирования и проектирования пространства, впослед-

2 Как известно, по заказу правительства Москвы пространство было запрограммировано консалтинговой фирмой КБ «Стрелка» (результат этой работы — техническое задание для международного конкурса), а затем спроектировано и реализовано консорциумом Diller Scofidio+Renfro, Hargreaves Jones и Citymakers, при участии российских архитектурных, ландшафтных и строительных бюро — соавторов и адаптеров зарубежных проектов, в том числе — ТПО «Резерв», ландшафтной компании ARTEZA, МАХПИ имени ак. Полянского, ГБС имени Н.В. Цицина, Мосинжпроекта и др.

ствии превратилось в неоднозначный «аттракцион»³ для посетителей. Если обобщить многочисленные высказывания, то можно заметить, что, несмотря на многоплановость и сложность «Зарядья» как объекта, наиболее часто в нарративах об этом пространстве повторяются два мотива. Один из них связан с его нарочитой «современностью», а второй с тем, что можно определить как «воплощение национального характера»⁴.

«Современное» общественное пространство

Воплощенная «новизна» как программная черта была закреплена еще в техническом задании на проектирование парка, составленном в эпоху «капковских» перемен⁵. В силу объективных причин четко задокументированного представления о том, что считать «современным», существовать не может, однако, судя по откликам посетителей, инициаторам и исполнителям проекта удалось разрушить шаблонной образ постсоветского парка.

Во многом ориентиром стали «зарубежные практики». Авторы конкурсного брифа восстановили мировой контекст, в который должен был вписаться новый парк⁶, обозначив ряд примеров, сопоставимых по значимости и/или по площади: Центральный парк Нью-Йорка, лондонский Гайд-парк, сингапурские Сады у залива (Gardens by the Bay), барселонский Парк Гуэля, Миллениум-парк в Чикаго, из российских — Парк Горького. В то же время не только содержание технического задания, но и международная экспертиза участников проекта оказала свой эффект.

В результате наблюдаемая палитра эмоций, испытываемых сегодня посетителями, достаточно широка: от очарованности и восторга до неприязни. Так или иначе, считывание «нерусского», синонимичного «современному», происходит моментально, в связи с этим горожане начинают размышлять о стилевом колониализме и современном «западничестве».

В случае с горожанами-обывателями механизм социального программирования часто действует безотказно: положительные эмоции, как и было задумано, конвертируются в гордость за столицу. Хвалебные высказывания профессионалов в основном составлены в жанре апологии.

Критическая оценка действительности чаще присуща искушенным посетителям. Возвращаясь к размышлениям о «современном», можно привести в пример реплику Никиты Асадова, указывающую на некоторую абсурдность сложившейся ситуации (Зарядьелогический круглый стол № 6 «Эстетика, ландшафт, ощущение», 16 декабря 2017 г.):

Чувствуется, что это западная архитектура, чувствуется, что она вторична. Причем даже на момент возникновения проекта — это не хорошо и не плохо, ну, как некая данность. На мой взгляд, сейчас уже... даже чуть-чуть неприлично делать такие проекты: излишне в какой-то степени дорогие, слишком фигуративные... бионическая архитектура все-таки уже лет пять как непопулярна.

В подобной интерпретации событий погоня за «неродным», «современным» и «модным» не оправдала себя: архитектура парка будто бы успела устареть еще до его открытия; впрочем, «ландшафтной» части это замечание не касается.

3 В определенном смысле можно провести параллель между открытием парка «Зарядье» и открытием реконструированного музея-заповедника «Царицыно». О переформатировании социокультурного ландшафта и «аттракционности» массовой культуры в постсоветской, «лужковской» Москве см. рассуждения Н. Самутиной и Б. Степанова на примере Царицыно [Самутина, Степанов, 2014, с. 10].

4 Ср. с исходным текстом «Приглашения к участию» в конкурсе: «Конкурсный проект должен усилить идентичность территории с учетом ее значимости для города и страны. <...> Это будет главный парк Москвы и России. Это должно быть прибрежное общественное пространство мирового класса с индивидуальным характером. Необходимо создать ландшафтные темы, уникальные именно для этого участка. При этом проект Парка должен содержать предварительные элементы брендинга и идентифицироваться с Россией, избегая прямых ассоциаций» (цит. по [Парк «Зарядье», 2013], курсив мой. — М. Ч.).

5 Стоит помнить, что на этой же волне, также не без участия «Стрелки», происходила «перезагрузка» и Парка культуры и отдыха им. Горького; начала развиваться и популяризироваться практика благоустройства общественных пространств Москвы.

6 И формально вписался: парк стал победителем международного конкурса архитектурного портала ArchDaily — “Building of the year’18” в номинации “Public Architecture” [Zaryadye Park, 2017].

Иной пласт критики лежит в области идеологии постдевелопмента [Bawtree, 1997]. О нарушении «генетической» логики пространства и «перечеркивании» прошлого говорят градозащитники, в частности, один из лидеров движения «Архнадзор» Рустам Рахматуллин (Зарядьелогический круглый стол № 6 «Эстетика, ландшафт, ощущение», 16 декабря 2017 г.):

Это <реализованный проект> — неверие в то, что у Москвы есть замысел, что у Москвы... Что над Москвой надстоит какая-то проформа, и, наоборот, убежденность в том, что человек здесь абсолютно свободен. Если угодно, это петербургская форма творчества, архитектурного творчества на чистом листе, на белом листе или опять-таки на том же самом болоте. То есть здесь утвердился вот этот тип «ячества», противоположность которому — это средневековый принцип «грешного аза».

Сама по себе риторика Рахматуллина о городской метафизике и ее игнорировании современным градостроительным режимом не нова [Рахматуллин, 2008], имеет широкую огласку и поддержку. Но в случае «Зарядья» особенно интересна тем, что использовалась командой соавторов конкурсного проекта, бюро “Citymakers”, на уровне его «легализации» как аргумент в пользу реализации парка не «вопреки», а «благодаря». Предполагалось, что работа по формированию сообщества «Друзей “Зарядья”» (см. [Друзья Зарядья]), заблаговременно начатая “Citymakers” еще в 2012 г., превратится в начинание, аналогичное по содержанию деятельности “Friends of the High Line” («Друзья Хай-Лайна» — низовая некоммерческая инициатива). На сайте провозглашенного сообщества «Друзей “Зарядья”» озвучены претензии к конкурсному проекту, в том числе и «архнадзорские». Однако в силу того, что воспроизводятся они именно под заголовком «Друзья “Зарядья”» и сопровождаются комментариями об устойчивом развитии при участии горожан, проект должен восприниматься как приемлемый для города.

Таким образом, можно заметить, что отчасти «новаторство» проекта лежит и в плоскости управления его реализацией. Отлаженная коммуникация⁷, в том числе с горожанами, считается хорошим тоном современных городских градостроительных инициатив и, вероятно, залогом лояльности по отношению к городской власти.

«Национальный» ландшафт «Зарядья»

Нервом нарративов о «Зарядье» часто становятся рассуждения о созданном ландшафте. В ходе обсуждения безобидного вопроса о тематическом зонировании пространства посетители и создатели парка очень легко переходят в плоскость политических высказываний. Так, обсуждая с коллегой реализованный проект, я стала адресатом довольно емкой ремарки, дающей представление о современном московском градостроительстве:

Ты же знаешь, что в «Зарядье» нет ни зоны болот, ни тундры? <Это еще почему? Разве нет?> Проверь, нет. Ну, чтобы ни с Болотной, ни с мэром⁸ ассоциаций не было...

— Мужчина, 34 года

Подобная очевидная, но нетривиальная реплика об отсутствии⁹ некоторых зон, запланированных консорциумом *Diller Scofidio* и *Renfro* (см. [Фролова, 2017]), свидетельствует о том, что

7 Задачи, которые преследовали фасилитаторы диалога «друзей»:

«Мы хотим помочь всем сторонам услышать друг друга и найти решения, которые позволят создать в “Зарядье” качественно новую городскую среду, открытую для всех.

Мы хотим, чтобы концепция, выигравшая в конкурсе, была реализована максимально полно и в ходе детализации сохранила все свои особенности и качественные характеристики.

Наше сообщество не является юридическим лицом, не выдает членских удостоверений и не обещает привилегированных прав. Но оно гарантирует, что все мнения будут опубликованы, а предложения донесены до тех, кто принимает решения» [Друзья Зарядья].

8 Речь идет, во-первых, о массовом гражданском протесте 2012 г., проходившем на Болотной площади, а во-вторых — присутствует указание на происхождение нынешнего мэра Москвы — не вполне политкорректное, но популярное среди горожан.

9 Действительно, в навигационном разделе красочного буклета или в соответствующем разделе на официальном сайте парка перечислены следующие зоны: Северные ландшафты, Хвойный лес, Прибрежный лес, Луг, Березовая роща, Степи, Смешанный лес.

сегодня в сложившихся социально-политических условиях реализация проектов городского (или даже странового) масштаба происходит не без использования политтехнологических механизмов.

Кроме уже обозначенной выше команды, в запуске «Зарядья» приняли участие и продолжают участвовать в его жизни Департамент культуры города Москвы, Департамент информационных технологий города Москвы, Правительство Москвы по вопросам жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, Объединенная дирекция «Мосгорпарк», Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы, Комитет по архитектуре и градостроительству города Москвы, СК «Мосинжстрой», Музейное объединение «Музей Москвы» и другие организации. Это многообразие агентов прямо указывает на коллективную ответственность за итоговый результат¹⁰ или — ситуативно — на ее отсутствие. Действительно: однозначно определить авторство имиджевой инициативы невозможно. Однако при этом главная цель достигнута: каждый посетитель понимает, что парк олицетворяет природное и климатическое многообразие России.

Антрополог Сергей Штырков, изучая устойчивые черты русского пейзажа в массовой культуре, предлагает использовать понятие «пейзажный национализм». Его исследователь определяет как «практики дискурсивного и визуального выражения особой связи между человеком как представителем нации или этнической группы и определенным культурно канонизированным ландшафтом. При этом часто последний воспринимается в качестве естественной и изначальной, но утраченной в силу обстоятельств, понимаемых как нарушающие нормальное течение дел (модернизация, миграция), среды обитания этнической группы, и в таких случаях мы имеем дело с сентиментальным пейзажным национализмом» [Штырков, 2016]. Это понятие и вкладываемый в него смысл неплохо соотносятся с содержанием всего проекта «Зарядье».

Как можно заметить, национальные черты в «Зарядье» утверждаются и на визуальном уровне, и дискурсивно. Помимо Кремля на фоне «русских» берез здесь можно увидеть «церквушку над тихой рекой» — храм Зачатия Анны Праведной, что в углу, костюмированное представление с «нашими» боярами в День народного единства и многое другое. Восстанавливая подобную пейзажную идиллию, создатели парка преодолевают мотив тоски по воображаемому исконному прошлому, и вышеупомянутая проблема «нарушения нормального течения дел» становится менее актуальной.

Примечательно, что получившийся ландшафт не имеет зримой преемственности с предыдущей советской эпохой, память о гостинице «Россия» уже почти похоронена, и новое значение пространства как парка доминирует. В этом смысле неслучайным оказывается то, что для описания современного «Зарядья» один из моих собеседников в ходе интервью выбирает выражение «саркофаг гостиницы “Россия”», мотивируя резонность сноса «первой среди равных» тем, что «она устарела». Между тем, вероятно, во многом благодаря центральному местоположению это пространство, как и четыре десятилетия назад, привлекает иностранцев и россиян, радуя и удивляя их, а свое политическое значение вновь усиливает за счет проведения статусных международных мероприятий.

Новое общественное пространство, быстро ставшее популярным в основном среди туристов, с легкостью присвоило себе исторический топоним Зарядье. Зеленая рекреационная зона «нового» типа, площадки для официальных мероприятий и городских празднеств имеют нерядовое значение в топографии города, что, очевидно, обусловлено градостроительным контекстом. Сказывается близость к Кремлю: несмотря на существующую точку зрения о том, что «генетический код» пространства утерян, его «центральное» значение выходит на первый план. В том числе это происходит и благодаря социальному программированию территории. Новаторство масштабного проекта должен определять и способ его реализации: нельзя отрицать, что была предпринята попытка сформировать образ прецедента создания парка с учетом мнения горожан — в духе демократии и с интенцией пробуждать гражданскую сознательность.

¹⁰ О столкновении ожиданий горожан, обещаний, которые дает государство в лице градостроителей и менеджера состава города, и реальных последствиях см. в предисловии к сборнику Симоны Абрам и Гисы Вешкальных «Туманные обещания» [Abram, Weszkalnys, 2013].

Однозначного понимания, восприятия и безоговорочной оценки парка посетителями на данный момент нет и в широком кругу не может быть в силу того, что в нем представлен целый спектр задумок заказчиков, проектировщиков и исполнителей проекта. Сделанные наблюдения показывают, что в реализованном проекте в той или иной мере воплотилось, во-первых, представление о мировых стандартах «современных» проектов, а во-вторых, черты «национального» ландшафта. «Зарядье», преодолевшее устойчивые постсоветские схемы развития, продолжает формироваться на стыке «международного» и «российского» и рождает специфический дискурс, в котором можно заметить столкновение на ценностном уровне. Тем не менее об открытом противостоянии речь не идет.

Осмысление пространства как культурного феномена — нетривиальная задача, требующая конкретизации. Парк «Зарядье» — источник богатого этнографического материала, описание различных аспектов которого способно показать, как сегодня происходит трансформация современной Москвы.

Источники

- Друзья Зарядья. Режим доступа: <http://www.zaryadye.org/> (дата обращения: 29.06.2017).
- Иванов А. (2017) Место З. // Архи.ру. Режим доступа: https://archi.ru/russia/77008/mesto-z#_ftnref2 (дата обращения: 23.05.2017).
- Зарядьелогический круглый стол № 6 «Эстетика, ландшафт, ощущение». 16 декабря 2017 г. // Официальный сайт Михала Муравски. Режим доступа: https://www.michalmurawski.net/uploads/4/4/5/2/44528969/17-12-2017_zaryadye_6b_2301.pdf (дата обращения: 06.07.2017).
- Куприянов П.С., Садовникова Л. В. (2009) Место памяти в памяти местных: культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья) // Антропологический форум. № 11. С. 370–407.
- Московское наследие (2017) № 3 (51).
- Муравски М. (2018) Зарядьелогия // Диалог искусств. № 2. С. 48–53.
- Парк «Зарядье»: Приглашение к участию (2013) Международный конкурс на ландшафтно-архитектурную концепцию парка «Зарядье». Приглашение к участию. Ч. 1. 22 апреля 2013. Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка».
- Рахматуллин Р. (2008) Две Москвы, или метафизика столицы. М.: АСТ.
- Ревзин Г. (2017) Григорий Ревзин о парке «Зарядье» // Архсовет. Режим доступа: <http://archsovet.msk.ru/article/ot-pervogo-lica/grigoriy-revzin-o-parke-zaryad-e> (дата обращения: 24.05.2017).
- Самутина Н., Степанов Б. (2014) О значении аттракционов и о нашей истории // Царицыно: аттракцион с историей. М.: Новое литературное обозрение. С. 9–18.
- Сытин П. (2008) Зарядье // Из истории московских улиц. М.: АСТ. С. 88.
- Фролова Н. (2017) Чарльз Ренфро: «Мы хотели создать парк, где одновременно можно находиться на природе и заново открыть для себя Москву» // Архи.ру. Режим доступа: <https://archi.ru/russia/74671/charlz-renfro-my-khoteli-sozdat-park-gde-odnovremenno-mozhno-nakhoditsya-na-prirode-i-zanovo-otkryt-dlya-sebya-moskvu> (дата обращения: 01.04.2018).
- Штырков С. (2016) «Церквушка над тихой рекой»: русское классическое искусство и советский пейзажный патриотизм // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 44–57.
- Abram S., Weszkalnys G. (2013) An Introduction // Elusive promises: planning in the contemporary world. Vol. 11. Berghahn Books. P. 1–33.
- Ivanov A. (2011) Повторение лекции-экскурсии по Зарядью! // Блог Александра Иванова в livejournal.com. Режим доступа: <https://alex-i1.livejournal.com/79214.html> (дата обращения: 23.05.2017).
- Bawtree V. (1997) The post-development reader / M. Rahnema (ed.). L.: Zed Books.
- Zaryadye Park (2017) / Zaryadye Park / Diller Scofidio + Renfro // ArchDaily.com. Режим доступа: <https://www.archdaily.com/883201/zaryadye-park-diller-scofidio-plus-renfro> (дата обращения: 23.05.2017).

MARGARITA CHUBUKOVA

“THE SARCOPHAGUS OF HOTEL ROSSIYA”: CITIZENS’ PERCEPTIONS OF ZARYADYE PARK

Margarita Chubukova, MA in Urban Planning, MA in Anthropology, independent researcher; 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: mchubukova@gmail.ru

Abstract

This essay, about the newly-opened Zaryadye Park, traces how “the main park of the country” appropriates its spatial typology and accumulates its symbolic value. The outcomes presented were discussed during the anthropological workshop “Moscow Metamorphoses”, conducted at the Graduate School of Urbanism, NRU HSE, and is based on the arguments of experts and citizens.

Key words: Zaryadye park; programming of public space; space perception; urban anthropology

References

- Abram S., Weszkalnys G. (2013). An Introduction. *Elusive promises: planning in the contemporary world*. Vol. 11. Berg-hahn Books, pp. 1–33.
- Ivanov A. (2011) Povtoreniye lektsiy-ekskursii po Zaryad'yu! [A repetition of the lecture-excursion to Zaryadye!]. *Lichnyy blog Aleksandra Ivanova v livejournal.com* [Alexander Ivanov's personal blog in livejournal.com]. Available at: <https://alex-i1.livejournal.com/79214.html> (accessed 23.05.2017).
- Bawtree V. (1997) *The post-development reader* / M. Rahnama (ed.). London: Zed Books.
- Kupriyanov P., Sadovnikova L. (2009) Mesto pamyati v pamyati mestnykh: kul'turnyye smysly gorodskogo prostranstva (po materialam interv'yuu zHITELEY moskovskogo Zaryad'ya) [Memory Locus in the Memory of the Locals: Cultural Meanings of the Urban Space (Based on Interviews with Moscow Zaryadye Inhabitants)]. *Anthropological Forum*, no 11, pp. 370–407. (In Russian)
- Moskovskoye nasledie (2017) [Moscow heritage], vol. 3 (51). (In Russian)
- Murawski M. (2018) Zaryadyeologia [Zaryadeology]. *Dialogue of Arts*, no 2, pp. 48–53. (In Russian)
- Rakhmatillin R. (2008) Dve Moskvy, ili metafizika stolitsy. Moscow: AST. (In Russian)
- Samutina N., Stepanov B. (2014) O znachenii attraktsionov i o nashey istorii [On the meaning of attractions and on our history]. *Tsaritsyno: attraktsion s istoriyey* [Tsaritsyno: Attractions with History]. M.: New Literary Observer, pp. 9–18. (In Russian)
- Shtyrkov S. (2006) “Tserkvushka nad tikhoy rekoi”: russkoe klassicheskoe iskusstvo i sovetskii peizazhnyi patriotizm [“A Church over a Quiet River”: The Russian Classical Art and the Soviet Landscape Patriotism]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 6, pp. 44–57. (In Russian)
- Sytin P. (2008) Zaryadye. *Iz istorii Moskovskih ulic* [From history Moscow streets]. (In Russian.) Moscow: AST, p. 88. (In Russian)